

ВАЛЮЖЕНИЧ А.В.

АМЕРИКА О СРАЖАВШЕМСЯ СОЮЗЕ

Война, навязанная Советскому Союзу, представляла собой небывалую в истории по масштабам и ожесточенности битву против наиболее реакционной ударной силы империализма - гитлеровского фашизма, ставившего своей целью уничтожение первого в мире социалистического государства, установление мирового господства.

Ни один из фронтов второй мировой войны (североафриканский, итальянский, западноевропейский, американо-японский) не имел столь продолжительных, непрерывных и напряженных военных действий, как советско-германский. В течение всей войны там действовали в среднем до 70% всех дивизий фашистской Германии, т.е. из четырех солдат гитлеровского вермахта трое постоянно воевали на востоке и только один - на западе.

На советско-германском фронте было уничтожено, разгромлено или пленено 507 немецко-фашистских дивизий. Советские войска уничтожили большую часть боевой техники противника: 167 тыс. орудий, 48 тыс. танков, до 77 тыс. самолетов. Около 100 дивизий потеряли на советско-германском фронте союзники фашистской Германии. Армии США, Великобритании и других участников антигитлеровской коалиции вывели из строя 176 дивизий, т.е. менее 1/3 всех разгромленных дивизий гитлеровской Германии и ее союзников. Людские потери Германии на советско-германском фронте составили свыше 73% потерь, понесенных ею во второй мировой войне.

22 июня 1941 г., спустя несколько часов после вторжения войск гитлеровской Германии и ее союзников на территорию Советского Союза, по радио выступил премьер-министр Великобритании У.Черчилль. Нападение Германии на Россию, говорил премьер-министр,

представляет собой не "передышку" в войне за мировое господство, а "прелюдию к готовящемуся вторжению на британские острова". Гитлер "продолжает процесс уничтожения своих врагов по одиночке". Затем он "перейдет" к подчинению "своей воле и своей системе" всего западного полушария. "Угроза России - это угроза нам и угроза Соединенным Штатам",- продолжал Черчилль, призывая США выступить в поддержку русских, сражающихся за "свой дом и домашний очаг" (33).

Многие американцы не были готовы следовать призыву Черчилля, особенно те, кто выступал за политику изоляционизма. В то же время за оказание немедленной помощи Советскому Союзу выступили такие газеты, как "Нью-Йорк пост", "Каспер трибюн-геральд", "Балтимор сан" и др. Газета "Каспер трибюн-геральд" подчеркивала, что "русские борются за свой образ жизни", против нацизма (7).

Через несколько дней после речи Черчилля "Нэшнл бродкастинг корпорейшн" опубликовала суммарное резюме мнений американской прессы о начавшейся войне. Подавляющее большинство периодических изданий высказалось за поддержку и помощь России (так в Америке обычно именовался Советский Союз).

В формировании общественного мнения большую роль играли президентские республиканцы и президентские демократы. Президентские республиканцы контролировали 3/4 средств массовой информации. Им принадлежало большинство радиостанций, крупных еженедельников, газет, выходивших на Восточном побережье.

Среди тех, кто сразу же поддержал "интервенционистскую политику", т.е. политику вмешательства в европейские дела, были издания магната Г.Люса, а также такие влиятельные газеты, как "Нью-Йорк таймс", "Вашингтон пост", "Крисчен сайенс монитор", "Атланта конститьюшн". Изоляционисты, коими являлись республиканцы из конгресса, могли рассчитывать лишь на издания Херста и Маккормика, на газету "Сэтердей ивнинг пост", некоторые религиозные издания. Этим республиканцам, как показала жизнь, было не под силу тягаться со своими оппонентами.

В июне 1941 г. институт общественного мнения Гэллопа провел опрос. На вопрос: на чьей стороне вы находитесь в современной войне между Германией и Россией, 72% опрошенных высказались за Россию, 4% поддержали Германию, 17% ответили, что им безразлично, как закончится эта война, 7% заявили, что не имеют определенного мнения. На вопрос: стоит ли США вступать в войну немедленно, положительно ответили 21% опрошенных. Организаторы опроса, суммируя ответы,

отмечали, что Россия не является империалистической страной, а Германия - да. Если Россия выиграет войну, она не вторгнется в Соединенные Штаты, если победит Германия, то вторжение возможно.

Настроения консервативных кругов Америки безо всяких обиняков выразил сенатор от шт. Миссури Г.Трумэн: "Если мы увидим, что войну выигрывает Германия, мы будем помогать России, если будет выигрывать Россия, мы будем помогать Германии. Пусть они как можно больше убивают друг друга". В то же время Трумэн добавил: "Мне не хочется ни при каких условиях видеть Гитлера в победителях" (34). В этом заявлении просматривалась несколько необычная комбинация "изоляционизма" и "интервенционизма".

Общая позиция республиканцев конгресса и их сторонников сводилась к тому, что любая моральная или материальная поддержка России может сделать США союзником "международного коммунизма". "Интервенционистам" удалось, однако, убедить общественность в том, что Россия является "врагом фашизма" (Подр.: 11).

Политические силы США, выступавшие за оказание помощи России, завоевали на свою сторону общественное мнение страны. Существенную роль в этом сыграли четыре фактора. Во-первых, Россия была втянута в смертельную борьбу с фашизмом и США вынуждены были признать этот факт, независимо от того, нравилось им это или нет. Признание этого само собой вело к отказу от ложной теории, уравнивающей нацизм и коммунизм. Во-вторых, Англия - лучший друг США - должна была получить хотя бы короткую "передышку". В-третьих, папа римский, который не поддерживал Россию, отказался признать утверждения Риббентропа и Гитлера, что германский бросок на Восток представляет собой "священную войну". В-четвертых, перспектива фашистского господства над всем миром делала невозможным признание какого-либо другого врага, как Гитлера.

К середине июля 1941 г. с помощью опросов общественного мнения стало ясно, что американцы поддерживают Советский Союз в пропорции восемнадцать к одному. Россия, однако, не признавалась "союзником" США в том смысле, в каком этот термин относился, например, к Великобритании. Мнения о войне между Германией и СССР формировали многочисленные газеты и более 1 тыс. радиостанций. В последнюю неделю июня 1941 г. "русско-германская война" и "американо-русские отношения" занимали 72,3% первой страницы обычной ежедневной американской газеты (52, с.7). Вплоть до событий

в Пирл-Харборе, а потом спустя два месяца, советско-германская война находилась в фокусе американской прессы и радио.

Наиболее важным источником распространения дружественной информации являлись американские корреспонденты в Советском Союзе. Корреспондент "Коламбия бродкастинг систем" Э.Колдуэл передал 3 июля 1941 г. текст обращения И.В.Сталина к советскому народу. Колдуэл комментировал это обращение следующими словами: "У меня, как у обозревателя, сложилось мнение, что это обращение открывает новую эру в жизни советского народа". Корреспондент говорил с девушкой, стоявшей в толпе, которая слушала обращение на улице. "Победа в этой войне стала теперь единственной целью ее жизни,- продолжал Колдуэл. ..Сейчас очевидно,- заключал он,- что Советский Союз мобилизовал все свои силы, как гражданские, так и военные, чтобы развернуть всеобъемлющую войну против Германии. Если существует понятие тотальной войны, то эта война должна быть таковой. Битва на русских просторах сделает все предыдущие войны репетицией к ней" (55). Другой корреспондент Си-би-эс, г-жа Бурке-Уайт, комментируя участие в войне советских женщин, их жертвенность, передавала: "Я им завидую. Я хочу вместе с ними идти на фронт". Бурке-Уайт рассказывала о женщинах, которые на заводах и фабриках сменили своих мужей, ушедших на фронт (56).

Передавались сводки и комментарии к событиям войны, составленные сквозь призму американской пропаганды. Однако на информационном рынке доминировали сообщения корреспондентов из Москвы, различного рода газетные материалы в поддержку военных усилий СССР. Большинство крупнейших периодических изданий Америки во второй половине 1941 г. либо занимали пророссийскую позицию, либо отмалчивались.

С большим энтузиазмом выступали либеральные или демократические издания, поддерживавшие президента Рузвельта. "Будущее Запада и шансы на установление жизнеспособного международного порядка во многом зависят от того, найдут ли общую основу и будут действовать народы Америки, Англии, Китая и России ,- в журнале "Нью рипаблик" писал М.Лернер. "Время на стороне русских,-отмечал в редакционной колонке тот же журнал, - и время также на нашей стороне, если мы правильно распорядимся им и не позволим пойти против нас" (29). Видный теолог Р.Ниебур в августе 1941 г. отмечал, что американцы должны благодарить Бога за здоровье и выносливость, оказавшиеся у "безбожных русских".

В октябре 1941 г., когда немецкие дивизии рвались к Москве, популярный журнал "Лайф" писал: "Американцы могут встать перед кошмарным фактом, если Москва падет и Сталин решит, что окровавленная Россия заслуживает мира. В этом случае США останутся одиночками в мире с единственным союзником-Англией" (19). "Россия - это не та страна, которую легко покорить,- писал журнал "Тайм". -Пришло время пересмотреть нашу позицию по отношению к политике Советов. Если мы будем продолжать рассматривать русских как "врагов", наши шансы на создание устойчивого спокойного мира к концу конфликта могут улетучиться" (51).

В благоприятном свете Советский Союз выглядел в ряде влиятельных консервативных изданий. "Бизнес уик" воздавал хвалу Литвинову - новому послу СССР в США - как "одному из способнейших в мире дипломатов". Консерваторы, полярно изменив свои прежние убеждения, убеждали американцев, что не следует ждать чего-либо опасного от коммунизма (3).

Американские коммунисты в своих немногочисленных изданиях выступали против каких-либо забастовок или локаутов, тормозивших производство военных материалов.

В ноябре 1941 г. в Нью-Йорке вышел первый номер журнала "Рашен ревью", обещавший писать о такой России, "какова она есть". Редактор журнала У.Чемберлен отмечал: "Американцы мало что знают о России, ее территории, политической значимости, ее вкладе в мировую культуру. Даже образованный американец плохо знаком с основными этапами русской истории по сравнению с историей крупных стран Западной Европы... И хотя у нас масса книг о послереволюционной России, их качество оставляет желать много лучшего" (47). "Что бы американцы не думали о советских людях,- писала публицистка А.Стронг,- они сейчас на передовой линии защиты нашей демократии, нашей науки, нашего равенства, всего того, что мы чтим. Это им выпала тяжелая обязанность военной защиты цивилизации и человеческой свободы против черных сил, которые угрожают повернуть стрелки часов мира назад" (49, с.VII).

У.Джоранти в своей широко разрекламированной книге "Кремль и народ" (12) предложил собственное видение советской внутренней и внешней политики. Касаясь предшествовавших войне лет, он утверждал, что, несмотря на жестокий характер "чисток", они сыграли свою роль: убрали "пятую колонну в России". Мюнхенский сговор был "величайшим унижением" для Советского Союза, который страна пережила за годы

после брест-литовского договора. Этот сговор расчистил путь для заключения германо-советского пакта. Русские, по мнению Дюранти, не были "ни коммунистами, ни рабами, а непонятными людьми, покорно переносящими все, что выпадало на их долю". Что касается советской экономической системы, то она скорее походит на "государственный капитализм, чем на социализм". Сами русские не рвутся к "алтарю необузданного индивидуализма", но по своему образу жизни они "не менее свободны, чем мы" (12, с.138, 161, 184).

Еще большей популярностью пользовалась книга Дж.Дэвиса "Миссия в Москву", вышедшая накануне бомбежки японцами Пирл-Харбора. Дэвис поведал американцам о тех годах, когда он был послом США в Москве. Акцентируя свое внимание на советском руководстве, он писал, что оно состоит из "способных сильных людей". Дэвис не соглашался с ними по многим аспектам, но питал к ним большое уважение за "честные убеждения и благородство целей". После Пирл-Харбора оценки Дэвиса принимались американцами без тени каких-либо сомнений. Спустя год после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз вышел очередной номер журнала "Ньюсуик" с портретом Сталина на обложке. "Год против Гитлера. Сталин доказал, что его имя означает "сталь". Такова была надпись под портретом.

После бомбежки Пирл-Харбора и вступления США в войну источниками "международного зла" стали Германия, Италия и Япония. Смолкла критика России и Великобритании со стороны консервативной прессы. Администрация США была в растерянности: на каком фронте начинать наступление - в тихоокеанском регионе или в Европе.

Согласно опросам общественного мнения, в октябре 1941 г. 14% опрошенных желали (по разным причинам), чтобы США не оказывали помощи России. В феврале этот показатель понизился до 4%. В октябре 1941 г. 51% опрошенных выступали за совместные усилия США и России, в феврале 1942 г. - 43%. В октябре 1941 г. 22% опрошенных хотели, чтобы к России относились как к равному партнеру, как к Великобритании, в феврале 1942 г. - 41% (14). Суммарно около 15 млн. взрослых американцев после Пирл-Харбора рассматривали Россию как равного партнера. Они же повлияли на решение администрации США оказать помощь (ленд-лиз) Советскому Союзу. Начались суждения о возможности открытия "второго фронта".

Зима и ранняя весна 1941-1942 гг. показали мировой общественности, что восточный фронт является определяющим во

второй мировой войне. Однако лидеры США и Англии считали "немыслимым" открытие второго фронта в Европе.

В то же время за скорейшее открытие второго фронта выступили два видных американца: У.Уилки и Дж.Дэвис. (Подр.: 16, с.34-37). "Русские люди сражаются на нашей стороне и со времени американской революции мы должны помнить это,- говорил по радио Дэвис. - Русские люди всегда были с нами во всех наших войнах. Мы не должны терять из виду тот факт, что, помогая русским, мы помогаем сами себе и помогаем русскому правительству разбить Гитлера" {9).

В июне 1942 г. на книжных полках появилась публицистическая работа Дж.Рестона "Прелюдия победы", оказавшая значительное влияние на формирование общественного мнения (работа переиздавалась в Нью-Йорке в августе и ноябре 1942 г.). Рядом с заголовком был начертан призыв: "Вставай и вступай в борьбу!" Рестон, признав Россию "другом Америки", обратил внимание на прессу Херста, Питтерсона и Маккормика, которая печатала всякого рода инсинуации в адрес Советского Союза. "Рептильная пресса" - так Рестон окрестил эти издания (46, с.6, 32-33).

В 1942 г. в США появились работы, посвященные Красной Армии. "Как бы не развивались события на русском фронте,- писали М.Берчин и Э.Бен-Хорин в книге "Красная Армия",- Россия будет продолжать сражение. Ссылаясь на разговор с советским капитаном С.Курнаковым, авторы приводят его мнение о том, что второй фронт должен быть открыт в Европе тогда, когда на восточном фронте развернутся решающие сражения. Как только это произойдет, Германия будет повержена"(5, с.VII).

С. и Б.Уэбб в 1942 г. выпустили в Нью-Йорке книгу "Правда о Советской России". В ней отмечалось, что Сталин не является диктатором", что "принятая в 1936 г. Конституция СССР является наиболее всеобъемлющей и демократичной в мире" (54, с. 16,19). А в биографии Сталина, написанной Э.Людвигом,говорилось о том, что "большевизм 1942 г." - наиболее совершенный для этого времени "социальный порядок". Под руководством Сталина русскому народу удалось создать "это славное государство" (21, с. 163).

С одобрением американское общественное мнение встретило заявление, сделанное Сталиным в мае 1942 г., о том, что СССР представляет собой силу, способную спасти мир от гитлеровской чумы. Администрация США была довольна и тем, что в своем докладе Сталин ничего не сказал о втором фронте. "Сталин был великолепен, когда он

от имени России подтвердил ее стремление воздерживаться от расширения своей территории и от желания навязывать свою политическую волю другим народам",- отмечала "Ашервиль ситизен". Видный публицист У.Липпман считал, что Сталин ясно заявлял финнам и немцам, а также венграм и румынам, что разгром германской армии и падение нацистского режима не приведут к военной оккупации Россией этих "иностранных государств".

К незамедлительному открытию второго фронта призывали американские коммунисты. У.Фостер весной 1942 г. опубликовал брошюру "От защиты к наступлению". В ней приводились убедительные аргументы о необходимости открытия на Западе второго фронта. Каждый номер газеты "Дейли уоркер" содержал статьи, поддерживающие эту необходимость. 29 апреля 1942 г. газета опубликовала перепечатку статьи из журнала "Нейшн", в которой бывший министр иностранных дел республиканской Испании А.дель Вайо поддерживал идею открытия второго фронта. 2 мая 1942 г. газета в редакционной статье писала, что следует расстаться с иллюзиями о необходимости "выжидания", которое приведет к мобилизации огромных армий.

За открытие второго фронта выступали видные американские военачальники. Генерал-лейтенант Д.Эйзенхауэр - будущий президент США - отмечал в своем дневнике: "Мы должны отправиться в Европу и сражаться. Нам следует отказаться от практики разбрасываться своими ресурсами по всему миру. И еще хуже - тратить время" (цит. по: 10, с. 187). Эйзенхауэр докладывал генералу Маршаллу о том, что "потеря Англии или России позволит странам оси немедленно свести к нулю все наши будущие усилия" (44, с. 130). Сам Маршалл, как начальник штаба армии США, в своей лекции перед выпускниками военной академии в Вест-Пойнте сказал, что американские войска скоро высадятся во Франции (35). А влиятельный журнал "Арми энд Нейви реджистер" призвал к немедленному открытию второго фронта (36).

В конце мая - начале июня 1942 г. в Вашингтоне состоялась встреча президента США Рузвельта и генерала Маршалла с министром иностранных дел СССР Молотовым. Результаты встречи с энтузиазмом были встречены общественностью. "США и Россия нашли полное взаимопонимание по проблемам достижения прочного мира",- отмечал "Ньюсуик" (30). Корреспондент Си-би-эс А.Уорнер информировал миллионы слушателей о том, что "проблема второго фронта вызвала на встрече пристальное внимание. Итоги встречи получили одобрение конгресса США"(57). Большинство сенаторов и конгрессменов

приветствовали скорейшее открытие второго фронта, хотя формального соглашения между Рузвельтом и Молотовым на сей счет не было.

Президент Рузвельт отказывался расшифровывать слово "взаимопонимание". В своем обращении к народу по случаю первого Дня Объединенных наций 14 июня 1942 г. американский президент высоко оценил "великий союз, посвященный разгрому нашего врага и установлению подлинного мира, основанного на свободе человека... У Объединенных Наций имеются и силы, и люди, и воля, чтобы защитить человеческое наследие" (58).

Летом 1942 г. общественное мнение США было целиком на стороне военной элиты, считавшей необходимым начать военные действия против фашистов на европейском театре войны. Согласно данным института Гэллопа, в середине июля 1942 г. 48% опрошенных журналистов, придерживавшихся различных политических убеждений, высказались за немедленное открытие второго фронта, 34% считали нужным "накапливать силы" и 18% воздержались от высказываний. Гэллоп отмечал при этом, что лейтмотив в пользу военной акции союзников заключался в том, что "каждый час отсрочки работает на Гитлера" {37}.

По-иному реагировали на требование немедленного открытия второго фронта консерваторы. Таковыми считались республиканцы и некоторые демократы из конгресса, а также наиболее рьяные католики. В 1941 г. они считали, что Россия и Германия должны "разобраться" между собой сами. Не изменилась их позиция и в 1942 г. Глава газетного концерна Р.Маккормик не переставал утверждать, что у России хватит сил позаботиться о себе. Подтекстом в его заявлениях проходила мысль, что ничего особенного не произойдет, если он ошибается (подр.: 23).

Сенатор-республиканец С.Бриджес из шт. Нью-Хэмпшир, чья антикоммунистическая риторика создала ему славу в послевоенные годы, открыто обвинял Советский Союз в том, что он не начал войну против Японии. Он утверждал также, что открытие Советским Союзом второго фронта против Японии должно предшествовать открытию второго фронта союзниками против Германии. По логике Маккормика и Бриджеса Германия должна была разгромить СССР.

Накал страстей вокруг открытия второго фронта спал в августе 1942 г., когда администрация США приняла решение ограничить действия своих вооруженных сил африканским фронтом. "Давление народа на

открытие одного или многих возможных фронтов не несет в себе позитивного смысла". Так комментировало это решение Управление военной информации (48, с. 177-178).

К концу 1942 г. в умеренной американской прессе стало появляться больше критических комментариев по отношению к внешней политике США. "Нам следует расстаться в своем мышлении с делением союзников на "первоклассных" и "второклассных",- заявил Уилки - специальный помощник президента США. - Я повторяю снова и снова: мы и наши союзники должны открыть второй воюющий фронт в Европе" (32). Уилки при этом охарактеризовал позицию государственного департамента как "реакционную".

8 ноября 1942 г. американцы узнали о высадке своих войск во французской Африке, об их поддержке военно-воздушными силами Великобритании. Англо-американское наступление, заявил Рузвельт, является "эффективным вторым фронтом нашей помощи нашим героическим союзникам в России" (38). Президент США, таким образом, снял с повестки дня вопрос об открытии настоящего второго фронта в Европе. Вопрос этот откладывался и в 1943 г. Между тем советские войска, неся огромные потери, очищали от гитлеровцев территорию Советского Союза.

Среди американских историков второй мировой войны бытует мнение, что подвигка принятия решения об открытии второго фронта в Европе на 1944 г. была во многом обусловлена желанием Черчилля. Американская администрация учла его совет начать вторжение с британских островов. Уже на конференции в Касабланке в январе 1943 г. Рузвельт согласился со всеми доводами Черчилля. Ради полного взаимопонимания (6, с.318-320).

В конце октября 1943 г. состоялась Московская конференция министров иностранных дел союзных держав. В заключительной декларации и коммюнике подтверждалась решимость союзников сражаться с государствами "оси" до их безоговорочной капитуляции и продолжать тесное сотрудничество в послевоенном мире. Конференция не только сцементировала единство союзников, но и укрепила ослабленное было доверие между министром иностранных дел СССР и государственным департаментом США. Государственный секретарь США К.Хэлл был восторженно встречен в Вашингтоне как герой конференции. Х.Кэнтрил из Пристонского университета - один из видных авторитетов в сфере общественного мнения -докладывал Рузвельту, что доверие американцев к России увеличилось на 16%. 2 ноября

1943 г., когда пресса и радиокomentаторы донесли до миллионов американцев результаты конференции, 54% опрошенных высказались за оказание полной помощи Советскому Союзу (40).

Конференция глав государств-союзников в Тегеране вызвала более сдержанные комментарии в американской прессе и на радио. Объединенная декларация тегеранской конференции была краткой и неопределенной. Она не давала ясного представления о будущем Европы. Американцы были удовлетворены тем, что "большая тройка" теперь представлялась "друзьями по духу и целям". Однако многие так и не получили ответа на вопрос: по каким конкретно задачам и целям главы государств пришли к согласию.

Продолжавшиеся опросы общественного мнения показывали, что большинство американцев выступали за поддержку Советского Союза. Но это большинство не было стабильным, поскольку зависело от степени информированности американцев.

Ответы на вопросы, касающиеся создания атмосферы доверия в послевоенный период, а также возможного военного сотрудничества с Советским Союзом, разнились по регионам. Центральные штаты Запада были уверены в желании СССР сотрудничать с США. За ними в порядке очередности следовали северо-восточные штаты и штаты дальнего Запада, южные и восточно-центральные штаты.

"Серьезным заблуждением нашего времени является то, что Америку разрывают разногласия по вопросам внешней политики",- писал исследователь общественного мнения У.Лидгей (22, с.45). Свою аргументацию автор основывал на результатах опросов, проведенных с 1941 по 1944 г., главным образом на ответах на вопрос: "Согласны ли вы с теми людьми, которые думают, что Соединенные Штаты должны принять активное участие в международной сфере после войны, или с теми людьми, которые полагают, что Соединенным Штатам следует воздерживаться от такого участия?" Большинство американцев отвечали "да" на первую половину вопроса (в мае 1944 г. - 72% американцев, проживавших в штатах Среднего Запада и 73% всех американцев).

Отношение к судьбе Советского Союза в известной мере определялось этническими, расовыми, религиозными особенностями опрашиваемых. Так, многие черные не проявляли большого интереса к событиям международной жизни вообще. О России изредка вспоминали лишь видные деятели Национальной ассоциации за прогресс цветного населения. Лидер черных Э.Джонсон писал в 1942 г. в мартовском номере журнала "Кристиэнити энд крайсиэ" о том, что американцам и

русским необходимо решать расовые отношения. И ни слова о происходивших в России событиях.

Одна из наиболее важных этнических групп, проявлявшая свое отношение к событиям в России, состояла из американцев польского происхождения (6-8 млн. человек). Эта группа оказывала большое влияние на политическую жизнь в крупнейших индустриальных штатах Северо-Востока и Среднего Запада. Многие американцы польского происхождения признавали крупный вклад Советского Союза в военные усилия против Германии. Другие с недоверием относились к деятельности консервативного польского правительства в эмиграции.

Отношение к России других крупных этнических групп больше определялось религиозными соображениями. Многие американцы польского, ирландского и итальянского происхождения были католиками (их насчитывалось около 40 млн. человек).

В октябре 1943 г. был проведен опрос среди верующего населения относительно того, можно ли верить России в ее желании сотрудничества. Скептиков среди католиков оказалось больше, чем среди протестантов. 59% зажиточных протестантов и 50% зажиточных католиков высказались за доверие и соответственно 30% и 50% - наоборот. Среди лиц, имевших средний доход, соответствующее соотношение было: 48% и 48%, 31% и 34%; среди лиц с низким доходом - 44% и 32% и 34% и 48% (53, с.513-522).

Многие американские евреи в силу разных причин выступали за различные формы сотрудничества с Россией. Больше всего их вдохновляло отсутствие антисемитизма в Советском Союзе. В 1943г. ведущий еврейский еженедельник "Америкэн хибри" отмечал, что евреи в СССР "пользуются не только всеми политическими и культурными правами наравне со всем остальным населением. Самым замечательным является то, что они обладают таким экономическим и социальным равенством, какое отсутствует в некоторых демократических государствах". Обозреватель У.Цуккерман добавлял, что антисемитизм в Советском Союзе "был полностью сметен" (59, с.10).

Лидеры социальных христиан занимали полностью позитивную позицию в отношении СССР. Об этом свидетельствовали статьи и другие материалы, публиковавшиеся в популярных еженедельниках "Крисчиэн сенчури" и "Кристиэнити энд крайсиз".

В целом политизированных американцев в начале 40-х годов можно разделить на две силы: "силы порядка" и "силы действия". Иногда между этими силами не было видно различия, иногда эти различия

становились реальными. Но большинство творцов общественного мнения были обязаны видеть не только эти различия, но и говорить о них вслух.

Силы действия в 1943 г. компоновались из президентских демократов, ряда президентских республиканцев и конгрессменов-демократов. Члены этих влиятельных группировок с известной долей симпатии относились к тред-юнионам, к достижению прогресса в отношении черных, к дефицитному бюджету, к солидарности с Великобританией и Россией в военное и послевоенное время. Президент Рузвельт и вице-президент Уоллес являлись главными президентскими демократами, Уилки и Дьюи были ведущими президентскими республиканцами, а сенаторы Коннели и Баркли представляли видных демократов в конгрессе.

Взгляды этих лидеров представляли взгляды большинства американцев, чем и объясняется популярность России в Америке в 1943 г.

Силы порядка, которых представляли республиканцы конгресса. некоторые демократы конгресса, некоторые президентские республиканцы, пытались выступать против администрации практически по всем аспектам внутренней и внешней политики. Силы порядка делали все, чтобы увязать в одну проблему свое негативное отношение к Советскому Союзу с рузвельтовским "новым курсом" вообще.

Большую роль в создании и определении общественного мнения играли американцы, получившие высшее образование. Их взгляды и мнения отражались в газетах "Нью-Йорк тайме", "Крисчен сайенс монитор", журналах "Тайм", "Форчун", "Нейшн". Большинство таких американцев с дружелюбием воспринимали Советский Союз и выступали за сотрудничество после войны.

На формирование взглядов определяющий отпечаток накладывала информированность. Хорошо и объективно информируемые американцы с доверием смотрели на Россию, на дружественное развитие отношений между США и СССР. Вместе с тем они гибко реагировали на меняющуюся обстановку. Негативное отношение к проблемам России концентрировалось в среде малоинформированных американцев.

На фронтах Великой Отечественной войны шли кровопролитные баталии, но американская администрация в конце 1943 – начале 1944 г. не выносила, как и ранее, на обсуждение общественности вопроса об открытии второго фронта. Ее больше беспокоил вопрос о том, что будет делать Россия после того, как она разгромит Германию.

Обсуждалась и проблема возможностей России влиять на дальнейшее процветание Америки.

Если раньше среди американцев бытовало мнение, что в послевоенном мире останутся мощными только две ведущие индустриальные державы - США и Великобритания, то после Сталинградской битвы заговорили и о России. В марте 1943 г. вышел в свет специальный выпуск журнала "Лайф", посвященный Советскому Союзу. В истории журнала это был последний номер, в котором СССР рассматривался в благожелательном свете.

Весной и летом 1943 г. произошли события, которые заставили американцев задуматься над тем, как их страна будет строить отношения с Советским Союзом: Советский Союз разорвал дипломатические отношения с польским эмигрантским правительством; был создан комитет "Свободная Германия". Пресса в связи с этим запестрела комментариями о том, что Россия ищет пути для заключения сепаратного мира с Германией. 8 июля 1943 г. вышел номер многотиражного журнала "Ридер дайджест" со статьей видного русофоба М.Истмэна "Мы должны считаться с фактами о России". Автор обрушился на тех, кто призывал оказывать помощь Советскому Союзу, обзывая их "дураками" и "пустозвонами". По мнению Истмэна, такая помощь представляет собой "опасность выживанию демократических институтов". Если Россия нуждается в помощи, то такая помощь должна заключаться в "свете демократии", который должен "пробить (русскую) темноту" (13). Статья появилась как раз в тот момент, когда американская общественность стала проявлять интерес к послевоенному устройству мира.

"Внезапно вспыхнул интерес к проблемам внешней политики США,- констатировал "Форчун".- Этот интерес занял ведущее место в публичных дискуссиях" (15). Но "вспышка" эта не сулила ничего "одобряющего", отмечал Р.Ниебур. По мнению теолога, атмосфера "общего пессимизма" возникла из того очевидного обстоятельства, что достижение "согласия с Россией, которое могло бы гарантировать стабильный мир, представляется трудным делом, которое может оказаться не по-плечу нынешнему руководству" (8).

Пессимизм Ниебура, однако, не оправдывался. Его развеивали результаты Московской и Тегеранской конференций, заявления президента Рузвельта (39).

В феврале 1944 г. советское правительство объявило о дипломатической и военной самостоятельности всех 16 советских союзных республик. "Сан-Франциско экзаминар" - газета Херста

комментировала это решение такими словами: "Россия теперь будет иметь 16 голосов в будущей Лиге наций и за столом переговоров, когда будет разгромлена Германия. А Соединенные Штаты будут иметь только один голос" (50).

По-иному комментировали решение советского правительства другие издания. "Миннеаполис стар-джорнел" (2 февраля 1944 г.): "Это шаг в сторону от авторитаризма и тоталитаризма в сторону "демократии" и представительного правительства"; "Канзас сити стар" (4 февраля 1944 г.): "Изменение в подходах является той высокой мерой, которую достигла Россия с помощью своих замечательных военных побед и своей дипломатии".

Советские армии освобождали страны Восточной Европы, союзники все еще готовились к высадке на побережье Франции, а сами американцы не могли толком разобраться в тонкостях своей внешней политики. "Объединенные нации борются за тот мир, в котором не будет ни тирании, ни агрессии!- разъяснял Рузвельт репортерам на пресс-конференции в Белом доме 24 марта 1944 г.- Мы боремся за мир, который основывается на свободе, равенстве и справедливости; за мир, в котором все люди, независимо от расы, вероисповедания или цвета кожи могут жить с честью и достоинством в условиях мира" (41). Репортеры, однако, не были удовлетворены этим ответом. По мнению журнала "Тайм" (3 апреля 1944 г.) все, что говорилось на пресс-конференции, было "полно идеалов, но не хватало планов".

На одном из нью-йоркских митингов 18 мая 1944 г. выступил бывший заместитель государственного секретаря С.Уэллес. Он высказался за немедленное, не дожидаясь окончания войны, вступление США в международную организацию. Уэллес, как и многие международные обозреватели, видел в международной организации своего рода панацею для разрешения крупнейших мировых проблем.

Первая крупная проблема, которую не удалось разрешить путем переговоров, касалась Польши. Речь шла о взаимоотношениях Советского Союза и настроенного антисоветски польского правительства в эмиграции. Позиции обеих сторон были диаметрально противоположными, переговоры не принесли каких-либо позитивных результатов.

Социолог Колумбийского университета Р.Макайвер, учитывая геополитические интересы России, писал: "Эстония и Латвия должны быть воссоединены с Россией, которая остро нуждается в выходах к Балтике... Литва может стать польской провинцией, примерно такой,

какой она была в прошлом. Эта территория, включая район Мемеля, откроет Польше доступ к морю и послужит компенсацией за потерю в ходе войны польского коридора" {24, с.65). Польское правительство в Лондоне выступило с требованием восстановления освобожденной советскими войсками Польши в довоенных границах. Многие американские газеты выступили с предложением создать что-то вроде линии Керзона в качестве послевоенной границы, но им не понравился отказ Советского Союза дать согласие на посредничество США в советско-польском споре.

В конце 1943 г. в американской прессе стали появляться статьи, посвященные судьбам американской помощи Советскому Союзу, а также перспективам послевоенного экономического сотрудничества. Посол Гарриман полагал, что желание Америки оказывать помощь России отражает гуманитарный характер этой помощи. Но "гуманитаризм", о котором говорил Гарриман, был двусмысленным: "Американский народ глубоко симпатизирует русским людям, которые пережили огромные страдания. Поэтому они заслуживают помощь. У нас должны быть планы по выпуску машин и различного оборудования, в котором нуждается Советский Союз. Поступая таким образом, мы поможем своему собственному народу безболезненно перейти от войны к миру" (31). Россия не является конкурентом США, однако она может стать отличным источником развития бизнеса в Америке, отмечал представитель администрации Д.Нельсон в журнале "Коллиерс" (29 января 1944 г.). Экономист Г.Аллен, уверенный в необходимости процветания США, считал, что "будущее системы частного предпринимательства" во многом зависит от России. Европа, Латинская Америка и Дальний Восток будут не в состоянии оплачивать американские товары. И только Россия представляет собой "огромную надежду" для решения многих экономических проблем США. Аллен рассматривал Россию в качестве столь огромного рынка, какого еще никогда не существовало (2, 25-26). Многим американцам такое утверждение представлялось весьма большим комплиментом в адрес иностранной державы.

На эту же тему выступили два ведущих журнала бизнесменов: "Бизнес уик" и "Нейшн'с бизнес". "Бизнес уик" (4 декабря 1943 г.) в редакционной статье, озаглавленной "Вызов Сталина американскому бизнесу", писал о возможностях "массивного проникновения на русский рынок". Редакторы журнала настаивали также на том, что Соединенные Штаты поспешили использовать восточноевропейские страны в своих

"интересах и не предоставляли сделать это русским. Журнал "Нейшн'с бизнес" в 1944 г. посвятил экономической ситуации в Советском Союзе несколько статей, автором которых был видный экономист Дж.Вуд. Так, в июльском номере журнала он писал, что Красная Армия представляет собой только часть советской системы. Она символизирует те изменения, которые произошли в России. Война закончится, и армии не будут привлекать к себе внимание мировой общественности, а будущее Советского Союза будет зависеть от предприимчивых промышленников, экспортеров капитала и бизнесменов других стран.

Летом 1944 г. в Советском Союзе побывала делегация американских бизнесменов во главе с энергичным президентом Торговой палаты США Э.Джонсоном. 26 июня Джонсон встретился со Сталиным. Джонсон вспоминал, что Сталин говорил о том, что Россия надеется на "поток различного рода поставок для послевоенного восстановления, строительства, увеличения торгового оборота". Русские люди "с почтением относятся к Соединенным Штатам не за их систему управления, с которой они слабо знакомы, а за то, что США являются крупнейшей промышленной державой мира",- отмечал Джонсон (18, с. 12,14).

Из других статей, посвященных будущему экономического развития Советского Союза, явствовало, что его может облагодетельствовать американский капитал только в том случае, если СССР согласится стать экономическим придатком США. Предполагалось, что Советский Союз будет обеспечивать американскую промышленность сырьем: марганцем, хромом, платиной, пиломатериалами и мехом. Взамен будут поставляться машины и различного рода механизмы, электрическое и транспортное оборудование. Экономисты и бизнесмены, мечтавшие об огромных прибылях, которые могли бы принести торговля и финансовые инвестиции в Россию, не учитывали, однако, что советские лидеры могли предпочесть замедленный рост, основанный на экономической независимости вместо более быстрого развития, основанного на базе зависимости от американского капитала.

Многие наблюдатели, которых в послевоенное время назовут "советологами", не сомневались в том, что после войны Советский Союз займется восстановлением народного хозяйства. "Россия нуждается в возвращении своих земель и защите от вторжения,- писал У.Гребнер в книге "Путешествие по России". "Россия хочет снова встать на ноги, реконструировать страну и быть наравне с другими странами мира" (17, с.185). "После победы Объединенных наций Россия, победившая или поверженная, должна быть занята внутренней перестройкой,- утверждал Б.Ньюмен.- Эта задача в будущем, как и в прошлом, будет оказывать отрезвляющий эффект" (28, с.544). Х.Мозеруэлл отмечал, что "Россия после войны будет сильной в военном отношении. У нее будет слабый позыв вмешиваться во внутренние дела послевоенной Европы" (27, с. 166). Б.Мэтьюз высмеивал страх консерваторов перед тем, что Россия будет силой навязывать "коммунизм" в Европе (26).

В 1944 г. вышла книга Н.Макнейла "Американский мир". В ней один из редакторов "Нью-Йорк таймс" по сути дела выражал точку зрения влиятельных консервативных кругов Америки. Не

подвергая сомнению мысль о том, что Советский Союз нуждается в безопасности, Макнейл в то же время утверждал, что такая безопасность может быть обеспечена лишь при условии "лидерства капиталистических стран". Полная интеграция с западным миром, отмечал Макнейл, гарантирует России "безопасность от любого нападения". Россия должна добровольно принять "руководство Запада", нравится ей это или нет. Тогда у России и "пропадет страх быть окруженной капиталистическими странами и страх быть ими разрушенной". "Как Соединенные Штаты, так и весь мир нуждается в мире, основанном на американских принципах - Пакс Американа". Макнейл заключал: "Мы должны настаивать на американском мире. Мы должны принять только его и ничего больше" (25, с. 199,215,264).

Большой интерес вызвала книга У.Липпмана "Военные цели США". Послевоенный мир, писал видный публицист, будет во многом зависеть от тех отношений, которые будут складываться между США и СССР. Ради сохранения и поддержания мира Липпман выдвигал идею создания региональной системы безопасности, основанной на превосходстве великой державы в каждой части мира. "У России с Америкой может быть мир, если они будут использовать свои альянсы для стабилизации внешней политики своих союзников", - писал Липпман. "Они получают войну, если кто-либо из них нарушит орбиту влияния своих союзников или если кто-либо из них попытается втянуть в свою стратегическую систему Германию или Японию" (20, с. 132,135).

Основной заботой Соединенных Штатов в послевоенном мире, считал Липпман, должны стать "поддержка и совершенствование Атлантического сообщества". Если США и Великобритания имеют ясные права в Атлантическом сообществе, то Россия имеет право, согласно новому распределению власти, возникшему в результате войны, поддерживать и совершенствовать свое новое сообщество в Восточной Европе. Далее Липпман рекомендовал Соединенным Штатам

"признать имеющей силу и законность стратегической системы русской орбиты, включающей в себя государства к востоку от Германии и к западу от Советского Союза" (20, с. 133-138).

У.Липпман не был сторонником коммунизма как экономической системы и Сталина как политического лидера. Но его взгляды на проблемы мира во многом совпадали со взглядами Сталина. Они также практически не отличались от взглядов Черчилля. .

1944 г. в США проходил в атмосфере борьбы за президентское кресло. В этой борьбе вопрос о будущих отношениях с Россией сводился как к упрощенчеству, так и к искажению реальной жизни. Сразу же после победы на выборах Рузвельт столкнулся с новыми проблемами, возникшими в Европе. Судя по сообщениям прессы, его беспокоили слухи, что Черчилль и Сталин реализуют свои собственные планы в Европе. Черчилль направил английские войска в Грецию для борьбы с "левыми элементами", а Сталин признал законным правительство Польши, сформированное в Люблине.

В своем письменном послании конгрессу США о положении в стране Рузвельт высказал ряд соображений относительно послевоенного мира и роли Америки. Это произошло 6 января 1945 г., т.е. за три месяца до кончины президента. Послание Рузвельта было проникнуто оптимизмом, что все проблемы можно решать мирным путем, в процессе переговоров. Он предупреждал об опасности, которая появляется у любой нации, когда она начинает считать, что "обладает монополией на мудрость или добродетель". Проблемы таких освобожденных стран, как Греция или Польша, говорил Рузвельт, не являются простыми или легкими для решения. Проблемы, которые возникают после войны, нельзя решить "за одну ночь". Их следует решать через "жизненные и крепнущие институты" (42).

После Ялтинской конференции "большая тройка" вышла с заявлением о том, что было достигнуто согласие по обсуждаемым вопросам. Согласие по созданию Организации Объединенных Наций и по будущему Германии, Восточной Европы, Азии. В "Декларации освобожденной Европы" говорилось, что во временный период нестабильности в освобожденной Европе "правительства трех держав будут оказывать помощь народам, освобожденным от господства нацистской Германии и народам бывших саттелитов государств "оси" разрешать демократическими средствами свои насущные политические и экономические проблемы". Декларация, несмотря на множество общих

положений, была с одобрением встречена большинством американцев (75%). Заголовки крупных газет утверждали, что, наконец, наступит эра мира.

Среди критических оценок содержания декларации выделяется оценка, сделанная консервативным обозревателем журнала "Бизнес уик" Ф.Морли. Он полагал, что попытки американцев и англичан вмешиваться в европейские дела и соперничать там с Россией препятствуют установлению прочного мира. Разделение с Россией ответственности за европейскую политику, писал Морли, может привести к резкому ухудшению отношений между США и Россией.

62% американцев, которые на выборах голосовали за Рузвельта, считали, что с Россией следует сотрудничать, 25% были против сотрудничества и 11% воздержались. Американцы, поддерживавшие Дьюи, высказались соответственно следующим образом: 58%, 38% и 11% (43).

С марта 1945 г. начался процесс ухудшения отношений Соединенных Штатов с Советским Союзом. Опросы общественного мнения предсказывали крах союза "большой тройки". Что же повлияло на такой поворот во мнении американцев? Точный ответ на этот вопрос трудно дать. Однако нельзя не согласиться с видным политологом Дж.М.Бэрнсом, писавшим, что "буквально через один месяц все полетело кувырком". Считать, что "Польша вызвала конфликт так, как это было в 1939 г. и прежде", не является исчерпывающим объяснением (45, с.439-455).

Польшу можно рассматривать "генератором конфликта", как о ней писала американская пресса в марте 1945 г. Но уже в апреле многие газеты полнились заметками о том, что Россия господствует над Польшей. С этим утверждением не соглашались "Сент-Луис пост диспетч" и У.Липпман. Они считали все действия Советского Союза в Польше оправданными.

На ухудшение американо-советских отношений повлияли и другие факторы, а также события, происшедшие в период между Ялтинской конференцией и капитуляцией Германии. Это - ситуация в Румынии после падения 28 февраля 1945 г. правительства Радеску; жалобы на малочисленность "нерусских источников новостей" в Восточной Европе; критика "секретных протоколов" ялтинских соглашений по поводу советского голосования на Генеральной Ассамблее ООН; разочарование "русским объяснением" причины отсутствия Молотова на конференции Объединенных наций в Сан-Франциско; тенденция

рассматривать эту конференцию (открылась 25 апреля) как арену борьбы за мировое влияние между США и Англией, с одной стороны, и советским Союзом - с другой.

Обо всем этом писалось в газетах и журналах, передавалось по радио, сообщалось в речах и лекциях. Раздавались требования включить во временное правительство Польши "демократических лидеров" из эмигрантского правительства в Лондоне, провести там "свободные и беспристрастные выборы", назвать новое правительство правительством "национального единства" и т.п. Другими словами, новые требования выходили за рамки соглашений, достигнутых на Ялтинской конференции.

В то же время американская пресса сообщала накануне Дня Победы о тех теплых чувствах, которые проявлялись во время встреч американских и советских солдат. Эти сообщения, однако, терялись на фоне развивавшейся кампании непомерных требований к Советскому Союзу. Пришедшая к власти в мае 1945г. администрация президента Трумэна, состояла в основном из лиц, враждебно настроенных по отношению к Советскому Союзу. Об этом писал Дж.Мортон Блум в книге "Цена видения" (45). Эта администрация открыла новую страницу в истории американо-советских отношений, страницу "холодной войны".

Список литературы

1. *История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945. В 6-ти т. -М., 1965.-Т.6. - 619 с.*
2. *Allen H. Looking ahead with Russia//Rotarian. - N.Y., 1944. - Vol.64, N 2.-P. 16-28.*
3. *American mercury. - N. Y., 1941. - 6 nov.*
4. *Asherville citizen. - N.Y., 1942. - 2 may.*
5. *Berchin M., Ben-Horin E. The Red Army. - N.Y., 1942.- 277 p.*
6. *Burns J. Roosevelt: The soldier of freedom. N.Y., 1970. - XIV, 722 p.*
7. *Casper tribune-herald. - N.Y., 1941. - 24 jun.*
8. *Christianity and crisis. - N.Y., 1943. - 18 oct.*
9. *Daily worker. - Chicago, 1942. - 28 apr.*
10. *Davis K. Experience of war: The United States In World War II.- Garden City;N.Y., 1965.-IX, 704 p.*
11. *Dawson R. The decision to aid Russia, 1941. Foreign policy and domestic politica. - Chapel Hill, 1959.-XV, 315 p.*
12. *Duranty W. The Kremlin and the people. - N.Y., 1941. - 222 p.*
13. *Eastman M. We must face the facts about Russia // Reader's digest. -N.Y., 1943. -July. -P.20-26.*
14. *Fortune. - Chicago, 1942. - N 2.*

15. *Ibid.* - 1943.-N 11.
16. Gaddis J.L. *United States and the origins of the cold war, 1941-1947.* -N.Y.;L, 1972.-XIII, 396 p.
17. Grabner W. *Round trip to Russia.* - Philadelphia, 1943. - 194 p.
18. Johnson E. *My talk with Joseph Stalin// Reader's digest.* - N.Y., 1944. -October. -P. 12-16.
19. *Life.* - Chicago, 1941. -27 oct.
20. Lippman W. *US war aims.* - Boston, 1944. - XII, 235 p.
21. Ludwig E. *Stalin.* - N.Y., 1942. - 164 p.
22. Lydgate W. *What America thinks.* - N.Y., 1944. - VIII, 167 p.
23. McCormick R. *Addresses and editorials, 1941-1942.* - Chicago, 1944. -176 p.
24. MacIver R. *Towards an abiding peace.* - N.Y., 1943. - VI, 195 p.
25. MacNeil N. *An American peace.* - N.Y., 1944. - 276 p.
26. Mathews B. *United we stand.* - Boston, 1943. - XIII, 366 p.
27. Motherwell H. *The peace we fight for.* - 2d ed. - N.Y., 1943. - X. 281 p.
28. Newman B. *The New Europe.* - N.Y., 1943. - VIII, 568 p.
29. *New Republic.* -N.Y., 1941. - 11 august.
30. *Newsweek.* - N. Y., 1942. - 22 jun.
31. *Ibid.* - 1943.- 15 nov.
32. *New York PM.* - N.Y., 1942. - 27 oct.
33. *New York times.* - N.Y., 1941. - 23 jun.
34. *Ibid.* - 24 jun.
35. *Ibid.* - 1942. -30 may.
36. *Ibid.* - 31 may.
37. *Ibid.* - 17 jul.
38. *Ibid.* - 8 nov.
39. *Ibid.* - 1943.-25 dec.
40. *Ibid.* - 1944. - 15 febr.
41. *Ibid.* - 26 march.
42. *Ibid.* - 1945. -7jan.
43. *Ibid.* - 12 march.
44. *The papers of Dwidht David Eisenhower: The war years/Ed. by Chandler A.* - Baltimore, 1970. - Vol. 1. -230 p.
45. *The price of vision: The diary of Henry A. Wallace 1942-1946 / Ed. by Blum J.M.* - Boston, 1973. - X, 707 p.
46. Reston J. *Prelude to victory.* - N.Y., 1942. -XVII, 234 p.
47. *Russian review.* - N.Y., 1941. -N 1.
48. Steele R. *The first offensive, 1942. Roosevelt, Marshal and the making of American strategy.* - Bloomington; L, 1973. - IX, 239 p.
49. Strong A. *The Soviets expected it.* - N.Y., 1941. - VIII, 279 p.
50. *San Francisco examiner.* - San Francisco, 1943 - 2 febr
- 51 *Time.* -N.Y., 1941. - 29 sept.

52. *Twohey analysis of newspaper opinion*. - N.Y., 1941. - 28 jun. - 30 p.
53. *Walsh W. What the American people think of Russia // Public opinion quarterly*. - N.Y., 1944. - N 4. - P. 513-522.
54. *Webb S., Webb B. The truth about Soviet Russia*. - N.Y., 1942. - 128 p.
55. *World today*. - N.Y., 1941. - 3 jul.
56. *Ibid.*-17 jul.
57. *Ibid.* - 1942. 11 jun.
58. *Ibid.* - 15 jun.
59. *Zuckerman W. Soviet jews before and during the war // American hebrew*. - N.Y., 1943. - 16 apr. - P. 10-12.